

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В67

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Оформление — *Катя Хель*

Волгина, Алена.

В67 Отравленные морем : [роман] / Алена Волгина. —
Москва: Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Под
знаком стихий).

ISBN 978-5-17-164192-4

Вернувшись в Венецию, Франческа опять попадает в паутину политических интриг. Против нее выдвинуты серьезные обвинения, ей грозит тюрьма или казнь, а человек, на чью помощь она рассчитывала, оказался не так надежен... Это же Венеция — здесь предадут как дышат. Но если друг не оправдал доверия, то, может, старый враг придет на помощь?

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ГЛАВА I

Сиккила, деревня близ Занклы

Утром море палево-бирюзовое и пахнет солью. Солнца еще нет, только на востоке золотится рассвет. Волны ласково гладят берег пенными ладонями, захлестывают мои ступни, увлекая за собой. Спину холодит утренняя стылость, но вода теплее воздуха. Я ныряю с головой, согреваясь, забирая тепло у моря и отдавая ему взамен свое.

Говорят, волны шепчут каждому о сокровенном. Люди приходят на берег, чтобы отрешиться от суеты и понять что-то новое о себе. Меня же тянет на глубину, совсем как в ту ночь, когда мы с морем соприкоснулись душами слишком близко. Если бы не Карита, я так и осталась бы там — кораллом, стайкой рыб, моллюском, бездумной морской пеной.

Каждый раз выбираться на берег становится все сложнее. Тело с непривычки кажется тяжелым, неуклюжим, и в ушах немного звенит. Кожу стягивает на солнце, острая галька впивается в пятки. До башмаков, отставленных подальше от кромки воды, приходится прыгать на одной ноге. Море с ласковой насме-

АЛЕНА ВОЛГИНА

шливостью провожает меня бирюзовым взглядом: «Может, вернешься?» Но пока у меня хватает сил повернуться к нему спиной. Слишком многое держит меня на берегу.

Справа за песчаными дюнами, поросшими колючей травой, виднеются темные крыши. Это Перна, рыбацкая деревня, где мы с Манриоло нашли убежище на зиму. Мой друг плотничал, помогал рыбакам. Иногда я завидую его легкости. Когда человеку легко с собой, люди рядом с ним тоже чувствуют себя непринужденно. Манриоло любили. Меня боялись. За спиной шептались — «скъемара», морская колдунья, однако за советами обращались исправно. Где лучше поставить сети? Когда ожидать следующего шторма? Я была словно переводчиком между людьми и глубокой синей страной, лежавшей в полулиге от их домов.

Возвращаясь домой, я стараюсь держаться узкой полоски тени. Когда я проходила мимо рынка, Альдо, наш сосед, сунул мне две рыбины — обычная плата за морские уроки. Нужно пожарить ее до того, как упадет жара. В дневные часы жизнь в Перне замирает. Палящее солнце загоняет всех в тень, придавливает к земле. Даже самые брехливые собаки прячутся до вечерней прохлады.

Печка во дворе уже старая и дымит, с ней приходится обращаться бережно. Вообще-то у нас были деньги, чтобы ее починить. Хватило бы даже на собственную лодку, так что Манриоло не было нужды наниматься в помощники к другим рыбакам. Я не однажды намекала ему на это, но Манриоло всегда отказывался, и было понятно, почему. Мы не купили в этот дом ни горшка, ни ниточки, пользуясь тем, что осталось от прежних хозяев. Это было временное жилье.

ЧАЙНИК С ОСТРОВА МИРРИОЛО

Вести из Венетты сюда не доходили. Несколько раз я бралась за перо, чтобы написать Джулии, — и снова откладывала. Прошлогдний обман чудом сошел нам с рук. Интересно, что говорят сейчас в Венетте о смерти дона Арсаго? Заподозрил ли кто-нибудь, что в крипте он был не один? Вспоминает ли обо мне Алессандро? Конечно, зимой ни одно судно не пустилось бы в плавание по Долгнному морю. Было легко убедить себя подождать. Но день проходил за днем, уже миновала весна, а я все никак не могла решиться...

Спохватившись, я принялась переворачивать толстую рыбину, шипевшую на решетке. Опять с одного бока получится подгоревшей! Пульчино, напомнив о себе резким чаячьим криком, получил рыби потроха и убрался под крышу. Я снова задумалась, когда на светлый песок рядом с моей упала еще одна тень. Узнаю Манриоло! Где бы он ни бродил по утрам, он всегда являлся аккурат к обеду, отточив этот навык до подлинного искусства.

Улыбнувшись, я обернулась, но при виде Манриоло заготовленные шуточки замерли у меня на губах. Обычно он приносил тарелки, ставя их на растрескавшийся стол под седой оливой, где мы обедали. В этот раз руки у него были пусты, а в глазах горел азарт, и он выглядел как человек, сбросивший с плеч тяжелую ношу. Я поняла, что он хотел сообщить, еще до того, как он заговорил.

— Мы возвращаемся.

Капитан, которого нашел Манриоло, был ариминцем. Звали его Алонзо Кариньяно, и он ходил на «Примавере» — небольшой фелуке, легкой и провор-

АЛЕНА ВОЛГИНА

ной, как ласточка. Обычно он курсировал вдоль Полибийского берега, заглядывая в порты, чтобы взять на борт партию вина или шерсти. Или менее законный груз, если на то пошло. Легчайшую «Примаверу» ночью ни одна стража не догонит, и даже если догонит, то взятка таможенникам поможет уладить дело. Судя по кафтану из дорогого сукна и золотому перстню с печаткой, синьор Алонзо привык распоряжаться большими деньгами. А судя по жесткой складке возле рта и непреклонному блеску глаз, он не постеснялся бы прибегнуть и к стали, если бы ему понадобились более эффективные средства убеждения.

— Это Франческа, — представил меня Манриоло, когда мы встретились, чтобы все обсудить. — Мы с ней едем в Венецию вместе.

Синьор Алонзо ослепительно улыбнулся и сказал, что будет рад нам помочь. Плату он брать не захотел, так как дон Роберто, у которого раньше служил Манриоло, был его хорошим знакомым.

— Мы, ариминцы, стараемся помогать друг другу, — добавил он добродушно. — Сегодня я окажу услугу Роберто, завтра — он мне. На том и держится мир.

Я осторожно спросила, не опасно ли ему появляться в Венеции, так как из-за сложной политической обстановки ариминцев там недолюбливали. Капитан пренебрежительно отмахнулся:

— Пустое. У нас, у купцов, свои интересы! Пусть сенаторы ломают копыя в собрании, нас это не касается.

Мы сидели в портовой таверне, насквозь пропахшей рыбой и дешевой граппой. Манриоло сиял. Он снова обрел вызывающий, победный вид, который всегда отличал его в Венеции. Я отлично понимала

ОТРАВЛЕННЫЕ МОРЕМ

моего друга — он был не из тех людей, которые мечтают всю жизнь просидеть в тихой заводи. Рыбацкая деревушка была для него лишь временным пристанищем, с которым он вынужденно мирился.

Обговорив детали и сроки предстоящего путешествия, синьор Алонзо вместе с Манриоло углубились в воспоминания об Аримине, их родном городе, а я тем временем исподволь присматривалась к новому знакомому. Это был осанистый, крепкий человек с умным волевым лицом и рыжеватой бородой. Под бровями в палец толщиной блестели любопытные глаза, изменчивые, словно вода в море. Что-то упорно мешало мне ему довериться. Слишком он был какой-то... текучий. С таким собеседником оглянуться не успеешь, как расскажешь о себе все до доньшка, а он будет только кивать, поддакивать и мотать на ус.

Услужливый трактирщик принес новый кувшин с вином взамен опустевшего. Манриоло вспомнил, что он раньше был моряком, и в его речах зазвучали сентиментальные нотки.

— Как бы мне хотелось снова побывать в Арсенале! — вздохнул он. — Все мое детство прошло под стук молотков на верфях!

Синьор Алонзо в свою очередь разразился воспоминаниями о прохладных крытых галереях на улицах Аримина, о колодце в каменном дворике, возле которого он любил когда-то играть, и о полосатом черно-белом фасаде церкви напротив родительского дома...

— Когда я вернулся туда в последний раз, то перестроил хоры в церкви и украсил ее новыми колоннами с резьбой, — похвастался он. — Нет ничего прекраснее дома! Чем дальше ты уходишь в море, тем сильнее тебя тянет обратно, на зов маяка в родной гавани!

АЛЕНА ВОЛГИНА

«Что-то он слишком чувствителен, — подал голос Пульчино, который караулил снаружи. — Такие люди часто бывают особенно жестоки». Будучи чайкой, Пульчино, конечно, не мог составить нам компанию в таверне, но природное любопытство не позволило ему остаться в стороне. Наша дружба с ним началась задолго до этой поездки, еще на острове Мираколо, когда я подобрала на причале беспомощного птенца. Волшебный дар *кьямата* позволял нам обмениваться мыслями, даже если мы находились далеко друг от друга. Я могла бы, например, «одолжить» тело чайки, чтобы взлететь и увидеть город с высоты. Этот дар я с детства привыкла воспринимать как игру, однако прошлой весной в Венетте мне пришлось убедиться, что некоторые люди относятся к волшебству очень серьезно и не гнушаются использовать его в политике.

Меня до сих пор мучило чувство вины. Когда я по глупости ввязалась в интриги, Пульчино это дорого обошлось. Он едва не погиб и до сих пор не мог нормально летать, после того как дон Арсаго выместил на нем свою злобу. Я пыталась помочь Пульчино как могла, но иногда с горечью думала, что в его сердце навсегда поселилось недоверие к людям.

Может быть, мое подозрительное отношение к синьору Алонзо — тоже отражение мыслей Пульчино? Ведь мы многие эмоции делили на двоих.

Манриоло тем временем громко засмеялся:

— Будь я один, добрался бы в Венетту куда быстрее вашей «Примаверы»! Готов поспорить, что валлуко, мой морской конь, донесет меня туда за неделю!

Я с досадой пнула его ногой под столом, чтобы не распускал язык. Прошлогодние события научили меня осторожности. Чем меньше людей будут знать

о наших талантах, тем лучше! Валлуко — это крупное морское животное, вроде дельфина. Манриоло называл его Гриджо, из-за серой шкуры. У них была примерно такая же связь, как у нас с Пульчино, хоть и не настолько тесная. Одной из причин, по которой Манриоло взял меня с собой, когда мне пришлось бежать из Венеции, было его желание научиться искусству *кьямати*. Однако он не был хорошим учеником. Ему не хватало терпения, а кроме того, Манриоло сам любил быть в центре внимания. Он редко брал на себя труд прислушиваться к чужим мыслям.

В этот вечер его разговорчивость, подогретая винными парами, была особенно некстати. Я боялась, что синьор Алонзо неспроста то и дело наполнял его бокал. Вон как заинтересованно блестит глазами!

— Не хотите ли взять жареной рыбы на закуску? — предложила я, незаметно отодвигая кувшин подальше от Манриоло.

Капитан отказался:

— Нет, спасибо. В незнакомых трактирах я стараюсь держаться подальше от еды и поближе к выпивке. Это правило меня еще никогда не подводило!

Манриоло снова расхохотался, неумеренно восхищаясь его остроумием. Он был совершенно очарован новым знакомым. Я попробовала сменить тему, но это не помогло: синьор Алонзо упорно переводил разговор на нас.

— Жаль, что дон Роберто сейчас в плавании, зато его супруга будет очень рада встретить вас в Венеции!

— Разве Джулия не в Аримине? — невольно вырвалось у меня.

— Нет, похоже, ей веселее коротать время с братом, чем со свекровью, — подмигнул капитан.

АЛЕНА ВОЛГИНА

— Видишь, как удачно все складывается! — воскликнул Манриоло.

Я снова толкнула его ногой, пытаюсь привлечь к себе внимание. «Кто он такой, этот Алонзо Кариньяно? — спросила я беззвучно, одними глазами. — Он показал тебе какой-нибудь знак от твоего бывшего хозяина? Кольцо, кинжал, письмо хотя бы?» Ответом мне была только счастливая бессмысленная улыбка.

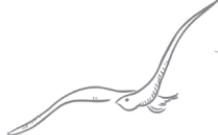
Впрочем, может быть, я зря себя накручиваю. Какая разница, кто он такой, этот капитан, пират он или кондотьер, главное — что он привезет нас в Венетту! Я снова увижу Джулию, увижу Алессандро! Сердце предательски толкнулось в ребра, и я поспешно опустила глаза, прячась от проницательного взгляда синьора Алонзо.

Иногда Алессандро снился мне, и это были сны, полные грусти. Я тосковала по нему. Пыталась вспомнить его черты, его особенную улыбку, приподнимающую уголки губ. Его привычку отступать в тень, когда кто-нибудь таранился на его шрам. Мне часто снилось, будто я искала его в венецианском порту, расспрашивая всех и каждого, пока кто-нибудь не разворачивал меня в сторону моря, показывая на белое пятнышко парусов, исчезающее вдалеке. В своих снах я всегда опаздывала. И каждый раз, вглядываясь в спящую полосу моря, разделяющую нас с Алессандро, я просыпалась с горящим лицом и болью в груди.

Манриоло вдруг хлопнул меня по плечу, заставив очнуться: «Поверьте, она тоже рада! Просто женщины привязываются к дому, как кошки, и их тяжело сдвинуть с места!» Они с капитаном пьяно расхохотались. Внезапно убогая хижина в Перне показалась мне уютным убежищем по сравнению с веселым уга-

ОТРАВЛЕННЫЕ МОРЕМ

ром, царившим в таверне. По мере того как темнело, столы заполнялись шумными, гогочущими людьми. Мимо нас постоянно кто-то шатался, задевая нас то кружками, то локтями. Пора было уводить отсюда Манриоло, пока он не наделал бед. Сгоряча он может такого натворить, что нас потом еще десять лет вспоминать будут.

«А ты вылей ему ведро воды на башку, — посоветовал Пульчино, снова проявив саркастический интерес к нашей беседе. — Враз протрезвеет!»

Синьор Алонзо хохотал и шутил наравне со всеми, но его взгляд оставался на удивление трезвым. Он даже не покраснелся от выпитого. Нет, все-таки он мне не нравился. Встретившись со мной глазами, капитан отсалютовал кружкой:

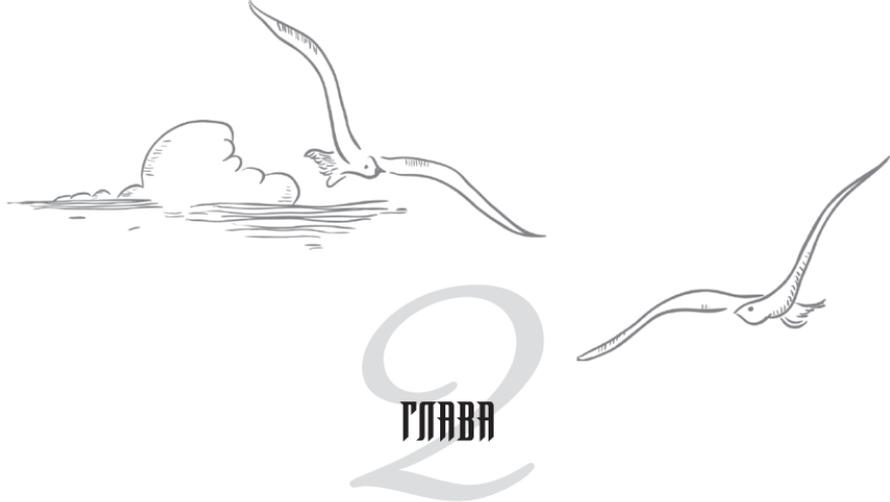
— Вы так молчаливы, синьорита Франческа. Похвальная осторожность. Однако есть же в Венетте люди, которым вы доверяете?

Я мысленно произвела несложный подсчет:

— Да. Целых два человека.

Алонзо дернул щекой, будто скрывая усмешку:

— Уверен, они оба будут *очень* рады вас видеть.

Венетта, дом Граначчи

Ночью улицы Венетты словно вымощены темным стеклом. На носу гондолы горел фонарь, разбрасывая по воде золотые блики. Лодка скользила бесшумно, как призрак. Отражения редких факелов еще больше подчеркивали непроницаемую глубину каналов.

— К дому Граначчи, — приказал Алессандро гондольеру.

Он вернулся в Венетту утром и за день устал как черт. Нужно было разместить галеры в порту, договориться о починке оснастки и об учениях, добыть такелаж, выслушать рапорты капитанов и отправить доклад в Золотой дворец. Было так соблазнительно завалиться в гостиницу, отложив все разговоры до завтра, но... Рикардо обещал его дождаться, во сколько бы он ни приехал. Они не виделись уже несколько месяцев, с самого начала навигации.

Дом Граначчи стоял тихий и темный. Только два решетчатых окна светились на втором этаже. Шагнув на пристань, врезанную в камень, Алессандро невольно бросил взгляд на тонувшую в тени

аркаду, где прошлой весной он впервые увидел *ее*. Франческу.

Эта встреча все изменила. Как сейчас, он помнил большеглазое, тонко очерченное лицо с гордо поднятым подбородком, каштановые кудри, растрепавшиеся в долгой поездке... Помнил ее скованность и тщательно скрываемую неуверенность, которая, как он теперь понимал, была вызвана отнюдь не застенчивостью. Он тогда считал ее наивной девушкой, приехавшей, чтобы встретиться с женихом. А она готовилась играть роль. И сыграла ее просто блестяще. Интересно, где-то она теперь?

Едва только отгремели зимние штормы, он разослал людей на поиски по всему Длинному морю. Не для того, чтобы вернуть Франческу в Венецию. А затем, чтобы убедить ее не приезжать.

В ночной тишине послышался лязг отворяемой решетки, и знакомый веселый голос позвал:

— Эй, ты где? Чего там застрял?

Они обнялись. Алессандро был рад встретить друга. Отрадно было видеть, что Рикардо совсем не изменился, хотя после женитьбы на Бьянке он приобрел большой вес в купеческом сообществе Венеции. Благодаря влиянию тестя и умным ненавязчивым советам жены дон Рикардо Граначчи заручился поддержкой самых крупных банкиров и теперь проворачивал одну сделку за другой. Сам он практически перестал выходить в море, тогда как Алессандро, наоборот, с самой весны пропадал на галерах, патрулируя Длинное море и жестко пресекая попытки тарчей захватить венецианские форты.

Шумно радуясь, Рикардо пригласил друга в дом, где уютно мерцали огоньки свечей:

АЛЕНА ВОЛГИНА

— Знал, что не забудешь старого приятеля! Ужин давно готов, и у нас есть альберинское вино, чтобы достойно отметить встречу! Надеюсь, ты останешься доволен.

Алессандро засмеялся:

— Я неразборчив. На галерах в походе нам приходилось пить такое, что по сравнению с этим пойлом любое вино покажется амброзией!

После долгих недель плавания лестница слегка покачивалась у него под ногами. Рикардо шел впереди с канделябром, показывая путь, и от пламени свечей по стене бежали длинные тени.

Друзья поднялись в кабинет, где на столике возле окна был накрыт ужин. Бьянка, вероятно, давно спала. Рикардо, порывистый, как всегда, энергично придвинул стул, разлил вино и уселся напротив.

— Расскажешь мне, что нового в Венетте? — спросил Алессандро, взяв бокал.

После гибели графа Арсаго он, едва оправившись от ран, поступил на службу к новому дожу, однако они не сошлись характерами. Дон Сакетти желал бы держать слишком прямодушного синьора ди Горо подальше от Венетты и сенатских заседаний. Командование эскадрой галер как раз предоставляло такую возможность. Поэтому Сакетти с радостью отправил Алессандро защищать венеццианские крепости на островах Альберино, Канди и Керкире, а тот и не возражал. Набеги тарчей с каждым годом становились все ожесточеннее. Всецело поглощенный новыми обязанностями, Алессандро теперь редко появлялся в Венетте.

— У нас до сих пор вспоминают церемонию «бракосочетания с морем», которую по традиции провел дон Сакетти. Брак в этот раз получился очень... ско-

ропостижным. Было забавно смотреть, как напыщенный «Бученторо», весь в коврах и позолоте, драпает обратно в лагуну так, что у гребцов аж весла гнулись! Я слышал от моряков, что за островом Дито их встретил какой-то кошмар: гигантский полипус с такими щупальцами, что ими можно было опутать весь «Бученторо», от носа до кормы!

— Быть такого не может, — сказал Алессандро с ноткой растерянности в голосе. В его памяти всплыл образ морского чудовища, с которым ему довелось «пообщаться» в крипте.

Рикардо пожал плечами:

— Мистика какая-то, да... — Он понизил голос: — Но для тех, кто видел тело дона Арсаго той ночью, этот рассказ звучит правдоподобно. Энрике ведь тоже находился на «Бученторо» как ближайший родственник дожа. Некоторые думают, что ему вовсе не следовало лезть на галеру, так как кровь Арсаго проклята морем навеки! В общем, — добавил Рикардо, — наш дож теперь старается держаться подальше от морских дел. Возможно, поэтому он стал ярым сторонником «земельной» политики и легко согласился на союз с тарчами, чтобы торговать через них с Хаанааном.

Эта новость ошеломила Алессандро гораздо сильнее, чем слух о появлении морского монстра. Он даже поперхнулся:

— Союз с тарчами? Ты шутишь!

— Не поверишь, но Сакетти настроен серьезно.

— После того, что они натворили в Хресе? После Элафониси и Пароса? После расправы в Арсиное?!

На лице Алессандро отразилось такое бешенство, что Рикардо невольно отодвинулся вместе со стулом:

АЛЕНА ВОЛГИНА

— Эй, чего ты на меня-то рычишь? Я тут вообще ни при чем. Это все фиескийцы виноваты: они сговорились с Лигой Четырех и готовят против нас мощнейший союз. Вот Сакетти и подумывает задружиться с тарчами. Нужно же где-то искать союзников?

— Союзников? А ты знаешь, что они сделали на Альберино? — спросил Алессандро тихим голосом. — Крепость Арсиноя держалась всю зиму. Мы не могли прийти на помощь из-за штормов. В конце концов гарнизон решил сдаться. Тарчийский паша обещал, что позволит уцелевшим защитникам свободно уйти. Вместо этого он приказал казнить двести человек, а остальных приковать к скамьям на галерах. Когда мы вошли в крепость, там были одни развалины, по колено залитые кровью!

Рикардо сидел как на иголках, не зная, куда спрятать глаза. И вздрогнул, когда Алессандро ударил кулаком по столу. Жалобно тренькнуло блюдо, один кубок упал, залив светлую скатерть багровой жижей.

— Союз с тарчами?! Завтра же я отправлюсь в Сенат с докладом. Нам нужен порох! Крепостям нечем обороняться. Нужно усилить гарнизоны!

— Ты бы поосторожнее с доном Сакетти, — хмуро предостерег Рикардо, промокая салфеткой разлившееся вино. — Недавно один из сенаторов тоже разглагольствовал, что перед угрозой тарчей нам лучше бы замирииться с Фиеской, и где он теперь? Казнили за измену! Сакетти ведет себя как полновластный хозяин Венетты. Получив шапку дожа, он даже Джоанну ухитрился прибрать к рукам. Ходит теперь тише воды, ниже травы, как монашка. Никакого сравнения с тем, что было.